

спокойно предвидеть наступление «неприятеля» и твердо встречать его с уверенностью в собственной победе, ибо победа без этой уверенности невозможна...» [1, с. 202].

Характеру, а больше силе воли и терпению, Ильин также придаёт серьёзное значение. Он говорит, что человек должен уметь «утихомиривать» свои эмоции, но терпение нужно и в учении. Он призывает рук не опускать: «...мы должны как можно раньше научиться спокойно принимать «отказы» жизни, бодро смотреть в глаза надвигающемуся «нет» и приветливо встречать неприветливую «изнанку» земного бытия...мы не должны помышлять о бегстве...напротив, надо думать о том, как одолеть беду и как победить врага» [1, с. 205].

Рассуждая о духе и духовности Иван Ильин имел в виду не дух Божий и не духовную религиозность, а исключительно человеческое проявление духа и ту соответствующую ей жизнь и направленность, которая придаёт всей человеческой культуре высшую ценность и значение.

Иван Ильин: «Жизнь человеческая покоится вообще на управлении самим собою и на самовоспитании; искусство жить есть искусство воспитывать себя самого к Божественному» [1, с. 164].

Список литературы: 1. Ильин И.А. / Поющее сердце / электронный ресурс.

*Голозубов А.В.
г. Харьков, Украина*

ТРАДИЦИИ ГЕРОИЧЕСКОГО В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРАХ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

В целом ни русская, ни украинская культура не культивировали героев по крайней мере до 19-го века, подобно тому как Православная Церковь была сдержанной в канонизации новых святых сравнительно с Ватиканом. Герой нашего времени из одноименного романа М. Лермонтова на самом деле не является ни святым, ни реальным героем, ни победителем. Его также нельзя назвать активным актором, как М. Бахтин использует это понятие в своем эссе «Автор и герой в эстетической деятельности». Скорее здесь герой означает место в современных ему реалиях, типичный характер.

Примеры обратной тенденции не многочисленны. Ода М.В. Ломоносова, посвященная захвату Хотина в 1739 году, может быть упомянута здесь, но на самом деле она прославляла не столько героев этого события, воинов и командиров, сколько Империю и была посвящена лично императрице Анне Иоанновне. Образы древнерусских князей-воинов не нашли существенного отражения в популярной культуре и памяти, возможно за исключением Игоря Святославича – центрального персонажа знаменитого эпического сказания о битве с половцами. Следует заметить, что он проиграл эту битву, но показал храбрость и любовь к Родине и своей жене. Позднее выдающиеся полководцы, с одной стороны, и российские цари (императоры) или люди из их окружения, с другой, редко являлись одними и теми же лицами в военной истории Российской империи. Скорее, наоборот, популярность таких военачальников, как Александр Суворов, Федор Ушаков, Михаил Кутузов, Михаил Скобелев, была, как правило, обратно пропорциональна расположению со стороны монарших особ. Канонизация некоторых военных героев (Дмитрий Донской, Александр Невский, Федор Ушаков) подтверждала их авторитет как в глазах светской власти, так и в массовом сознании, а кроме того смягчала во-

плотившийся в них дух брани. Первые же древнерусские святые Борис и Глеб и вовсе были скорее не мужами битвы, а невинными жертвами, не успевшими проявить себя на поле сражения. В дальнейшем русская классическая литература и искусство также сочетают описание случаев подлинного героизма с показом нелепости, ненужности и жестокости самой войны, как мы это видим в картинах Василия Верещагина или «Севастопольских рассказах» и тем более в «Войне и мире» Л. Толстого. Наполеон, прославленный множество раз в поэзии, живописи и исторических сочинениях как герой, в романе Толстого описывается как трагикомический персонаж, карикатура на роль личности в истории.

В западной литературе подобный подход к войне возобладал преимущественно после Первой мировой войны, особенно в 1920-х годах в т.н. «литературе потеряннного поколения». «Смерть героя» (1929) Ричарда Олдингтона означала избавление от различных утопий и иллюзий, унаследованных от эпохи Просвещения. «Смерть Бога» и «смерть автора» усилили эту тенденцию к замене героя на его противоположность, антигероя. Можно сказать, нет героев в шутовском хороводе европейской литературы XX века. Мы не видим ни жертвы, достойной истинного сострадания, ни злодея, подобного романтическим демоническим персонажам. Антигерой доминирует в этом культурном пространстве. Он является аутсайдером по отношению к обществу потребления и его идеалам и ценностям. В то же время он не стремится построить свою собственную идеологическую систему. Различные сиюминутные настроения и ассоциации пересекаются в его сознании, но он чувствует себя уставшим и разочарованным в реальности, здесь и сейчас. Несмотря на интенсивное внимание к проблеме личности в западной культуре прошлого столетия не создаются поистине монументальные фигуры и титанические личности, зато появляется «герой абсурда», Сизиф в эссе А. Камю. В то же время советская культура порождает множество героев, несмотря на то, что предыдущие столетия продемонстрировали готовность русской и украинской интеллигенции быть жертвой, хотя и по разным причинам, и отсутствие героев.

Православная культура, сформировавшая духовные основы Киевской Руси, унаследовала от античности не столько культ героев и соответствующих добродетелей, которые они воплощали, или, например концепты личности, индивидуальности, диалог как способ выявления истины, сколько некоторые философские идеи, сосредоточенные на человеческой личности, душе, мудрости и т.д., относящиеся к самому христианству. Киевская Русь вступила в средневековый период значительно позже, чем остальная Европа и не восприняла многое из западноевропейского средневековья в полной мере, включая явление рыцарства. Западная Европа была постоянным полем битвы между более цивилизованными народами и т.н. варварами, между различными королями, императорами, сеньорами и вассалами, между императорами и папами, между церковью и различными ересями. Герои рождались в этих сражениях, заменяя пантеон греческих героев, но они были не более богоподобными людьми. Скорее, они напоминали самых благородных и отважных героев из древнегреческих эпических сказаний, но воплощали дух и народные верования соответствующих европейских национальных общин. Это был очень широкий спектр подвигов и героических персонажей. Территория бывшей Киевской Руси очень скоро оказалась в составе других государств: Польши, России, Австро-Венгрии. Соответственно, различные части современного украинского государства существенно отличались не только в смысле политических, конфессиональных, культурных факторов, но, позвольте предположить, и в отношении к героям и героизму. Воплощением героических идеалов украинского народа стало, конечно, запорожское казачество, хотя память о героических и христианских добродетелях казаков сохранялась

больше в народном сознании, чем на уровне литературных артефактов. Империя же не только стремилась уничтожить Запорожскую Сечь буквально, но и свести на нет духовное влияние этого явления на украинцев. Западная Украина главным образом разделила общие парадигмы европейской цивилизации, сочетая это со стремлением к независимости и сохранению собственных народных обычаев, верований и традиций в этом межкультурном пространстве, а также почитанием новых героев повстанческого движения, воспринимаемых как продолжателей традиций запорожского воинства. Восточная часть современной Украины в большей степени оказалась ориентирована на социальное подчинение и доминирование моноидеи в политическом мышлении и православном наследии, проникнутом идеей сохранения традиции и статуса «Третьего Рима». Если посмотреть на московский период украинской истории, мы должны будем признать отсутствие героев до периода наполеоновских войн. В то же время романтическая тенденция к национальной идентичности проявилась в Украине в растущем национальном самосознании и интересе к украинской культуре. Н. Гоголь привлек внимание к украинскому фольклору в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и к фигуре лидера казаков Тараса Бульбы в одноименной повести. Но даже Гоголь смягчил свой национализм в более позднем издании произведения. Тем не менее в начале 20-го века казаки были героизированы и при этом репрезентированы как православное воинство, ставшее на защиту не только социальных и культурных, но и религиозных интересов украинского народа, а Тарас Шевченко преподнесен как их духовный наследник (Дм. Донцов).

В Советском Союзе появляется модель нового человека как секулярная фигура, не связанная с религией и моралью. Р.В. Метьюсон отмечает, что «герой, воплощающий советскую модель, живет и действует в рамках непогрешимой доктрины грядущего общественного преуспевания, игнорирующей частную жизнь» [2, р. XVI]. М. Горький видел две необходимые черты в новом человеке: героизм и коллективизм. «Каждый индивид являлся потенциальным героем, имел врожденную полноту жизни, силу и красоту, которые были реализованы путем мобилизации воли и служили трансиндивидуальным целям: обществу, человечеству или ходу истории» [1, р. 308]. Особое место в формировании нового человека было отведено литературе. Сталин призвал ведущих советских писателей работать в качестве «инженеров человеческих душ». Новые герои – шахтеры, трактористы, авиаторы, – все они были «в диалоге с технологией» и все были частью новой исторической общности под названием «советский народ».

В западной культуре на всем протяжении прошлого столетия происходило обращение к эпическим сказаниям и традициям разных народов, содержащих потенциал для выдвижения той или иной героической фигуры или целой разновидности героизма. Достаточно вспомнить жанр «пеплум» в голливудском кино 1950–60-х годов – популярное кино на античные или библейские сюжеты; фильмы о викингах, прежде всего киноверсию 1958 года режиссера Р. Флейшера; разного рода вестерны, в том числе американские классические приключенческие истории об индейцах и ковбоях, итальянские спагетти-вестерны, «истерны», снятые странами социалистического блока, прежде всего с Гойко Митичем в главной роли; цикл фильмов о Синдбаде; фильмы об Индиане Джонсе и др. это был поиск модели героического поведения средствами массовой, коммерческой культуры, выполняющей прежде всего гедонистическую функцию, направленную на развлечение читательской и кино- аудитории, заполнение досуга обычного среднестатистического человека. Мы полагаем, что эта жажда героев была связана в первую очередь с нехваткой героизма в реальной жизни, по крайней мере за пределами милитаризованного пространства военных действий, в котором даже самый обычный, может быть робкий и незаметный в повседневной жизни человек совершал поступки

безумной храбрости. Новейшей разновидностью героев в западном обществе стали т.н. селебрити, или знаменитости – продукт развития в первую очередь той же массовой культуры, точнее говоря масс-медийной, сформированной средствами массовой информации, заполняющими все сферы повседневной жизни. Масс-медиа формировали образ мысли и жизни человека прежде всего как потребителя услуг, широким спектром предоставленных вниманию обывателя и все чаще переводимых в формат шоу. Политики в большей степени обращаются к сознательному поведению избирателя, но даже избирательные кампании масс-медиа и сами политики, особенно в США, склонны превращать в карнавал лозунгов и ярмарку обещаний. Разочарование в невыполненных обязательствах не является столь горьким, как часто бывает в нашем социуме, поскольку в любом случае общество потребления обеспечивает уровень комфорта и дохода, который не приводит к протестным настроениям, способным угрожать существующему порядку вещей в целом, и удерживает абсолютное большинство населения в «лудистическом» и карнавализованном пространстве медиатизированной культуры. Призыв Дж. Кеннеди к каждому американскому гражданину задуматься о том, что он сделал для страны, вряд ли можно назвать типичным в этом отношении. Так же как против общества потребления, почти сразу как обозначились его основные черты как системы отношений между людьми, сферой услуг и властью, обратилась ирония, критика и сатира со стороны мыслящих интеллектуалов – философов, писателей, кинорежиссеров, так и реанимация героев прошлого стала тут же стала объектом целого ряда литературных и кино- пародий (достаточно вспомнить комическую эпопею о «древних временах», снятую участника-ми британской комической группы «Монти Пайтон»). На наш взгляд, это стало следствием той же тенденции к постоянной рефлексии, неудовлетворенности и отчуждению, которые привели к появлению в западной культуре XX века концепта «антигероя».

В советской культуре героизм, напротив, декларировался как категория настоящего и являлся скорее политической, чем исторической категорией, чрезвычайно идеологизированной и направленной на формирование нового человека – гражданина социалистического общества, воплощенного рая на земле. У восточнославянских народов дефицит в потребности героизма, особенно милитаризованного, не декларированного, а подлинного, пережитого как историческая память и одновременно как элемент актуальной идентичности, стал, по нашему мнению, следствием традиций большей толерантности, миролюбивости в культурном и конфессиональном отношении.

Список литературы: 1. Beyond totalitarianism: Stalinism and Nazism compared / [edited by] Michael Geyer, Sheila Fitzpatrick. – N.Y.: Cambridge University Press, 2009. – 536 p. 2. Mathewson, Rufus W. The positive hero in Russian literature / Rufus W. Mathewson, Jr. – Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1999. – XIX, 369 p.

*Дерев'янюк Ю.П.
м. Харків, Україна*

РУШНИКИ, ЯК СИМВОЛІЧНИЙ КОД УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ

Рушники виступали і виступають одним з відбитків культурної пам'яті нашого народу. Сюжети вишивок та візерунків зберігають прадавні магічні знаки, символічні образи «дерева життя», «берегині», які сьогодні знайшли подальше своєрідне пере-